

**Эйшель
Антонов**
г. Архангельск

Покаяние

(Продолжение. Начало в № 10/2016)

Часть 5

За ужином директор дома отдыха объявил:

– Внимание, товарищи! Сегодня вечером все желающие могут пойти на вечерний костёр. Просьба подойти к нашему физруку Виктору Николаевичу и записаться. Администрация на каждого выделит сухой паёк в виде хлеба, картошки и сосисок для жарки. Чай тоже будет. В восемь часов вечера собираемся у административного корпуса. Михаил Александрович, вы возьмёте с собой гитару?

– Да, конечно!

Арина обрадовалась. Она любила вечерние посиделки у костра.

– Бабушка, давай пойдём?

– Да нет, Аринушка. Я не пойду. Что-то чувствую себя не очень хорошо. Видно, что-то с погодой делается. Давление небось падает. Того и гляди, что гроза набежит.

– Какая гроза, бабушка? Небо чистое, ни единого облачка.

– Северна-то погода обманчива. А вот сушты-то мои да сердце никогда не подводят. Как занюют, то уж точно жди перепаду.

– Можно тогда я пойду. Я же взрослая уже. Да и не одна я пойду. Девчонки тоже небось пойдут. Интересно же. Вон, смотри: и Наира, и Ангелина пошли записываться.

– Поди с девчонками-то. Поди, внученька. А я одна побуду, отдохну.

– Спасибо, бабушка!

Арина приобняла и чмокнула бабушку.

– Ой, бабушка! А как же я тебя одну оставлю, больную-то?

– Да ничего со мною не приключится. У меня таблеточки есть. Приму таблеточку да полежу. А как гроза пройдёт, так мне и полегчает сразу. А ты поди, не беспокойся за меня. Не впервой мне такие перепады переживать.

Арина подскочила к девчонкам.

– Девочки, идём на вечерний костёр?

– Конечно, идём, – ответила Наира.

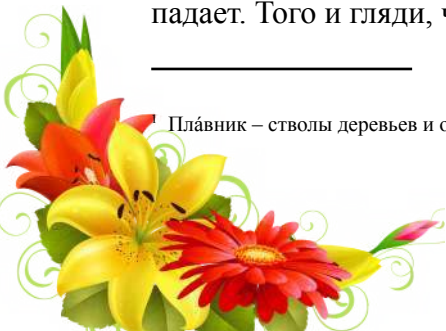
Они записались в числе первых. На удивление желающих провести вечер у костра оказалось не так и много: чуть больше десятка человек. Но это и хорошо, меньше народа – больше кислорода, как говорится.

Разобрали продукты и двинулись по узкой тропинке на западную сторону острова. Отсюда лучше всего был виден закат солнца, хотя в это время он начинался очень поздно, после десяти часов вечера. Белые ночи всё-таки. Конечно, у костра лучше сидеть в полной темноте, в августе, когда вечером темно, но всё равно и во время белых ночей в этом есть своя прелесть.

Виктор Николаевич быстро распорядился: мужчины и дети пошли собирать пла́вник¹, а женщины – готовить стол. Женщин оказалось больше, чем мужчин, поэтому девушки тоже решили собирать пла́вник. По берегу моря валялось большое количество разнообразных обломков дерева, от мелких до крупных брёвен и деревьев.

Мужчины принесли два довольно толстых ствола от дерева. Физрук положил их параллельно друг другу, оставив расстоя-

¹ Пла́вник – стволы деревьев и обломки деревянных построек, выброшенные прибоем на берег моря или течением на берег реки.

ние между ними сантиметров пятнадцать. Это пространство посередине он заложил мелкими щепками и веточками, сложив их костерком. В центр костерка положил бересту. Чиркнул спичкой и поднёс к тонкой бересте, которая тут же взялась огнём, затрепала, в один миг скрутилась в трубочку. За совсем короткое время огонь поглотил всё пространство между брёвнами.

Виктор Николаевич вбил принесённые с собой металлические рогатины, установил поперечину и повесил на неё большое ведро с водой. Дети запросили хлеба и сосисок.

– Вы же недавно ужинали!

– Так мы снова есть хотим. Дайте нам пожарить на костре.

Физрук показал, как нанизывать хлеб и сосиски на веточки.

– Только в огонь не засовывайте, а то палочка сгорит и хлеб окажется в костре. Подождите бы, когда угли появятся.

– Не, нам есть хочется.

– Ну тогда держите на самых кончиках пламени, чтобы хлеб или сосиска прогрелись и чуть поджарились, но не сгорели.

Арине инструкция вовсе и не нужна была. Она много раз уже жарила сосиски и хлеб. Ловко проткнув веточкой с острым концом сосиску вдоль, она сдвинула горящие ветки в сторону и положила веточку на бревно так, что сосиска оказалась над горячими углями на высоте около десяти сантиметров. Девочка медленно поворачивала прутик, чтобы сосиска обжарилась со всех сторон ровным слоем.

Ангелина проткнула сосиску прутиком поперёк и сунула её в самое пламя. Сосиска мгновенно вспучилась пузырями, которые покрылись чёрным налётом, разломилась пополам и упала прямо в костёр.

– Блин!

– Вот какая незадача, Ангелиночка, может, лучше шоколадку?

Увлечённая жаркой сосисок, Арина даже не заметила, как Абаж появился рядом с ними.

– Нет, Руслан, шоколадка потом, а сейчас я хочу сосиску!

– Конечно, конечно, Ангелочек, я мигом принесу новую сосисочку!

Мужчина побежал к столу за новой порцией еды, смешно виляя толстым задом.

«Прям как жаба-баба», – подумала Арина.

– Вот сосисочка, Ангелиночка!

– Так что стоишь? Пожарь мне сосиску! Я есть хочу!

– Сейчас, сейчас, Солнышко!

Абаж взял прутик, проткнул сосиску вдоль и пристроил её рядом с сосиской Арины, которая к тому времени уже покрылась ровным тёмно-красным загаром. Девочка сняла сосиску с прутика и положила на салфетку. Взяла другой прутик в виде рогатки, проткнула кусочек хлеба и разместила над углями. Очень скоро хлеб тоже покрылся лёгким загаром. Арина сняла хлебушек, перекинула его из руки в руку, чтобы немного остыл, и положила на него сосиску.

– Ариночка, вы позволите рогатинку? Я Ангелиночке хлебушек поджарю.

Ему бы она, конечно, не дала, но жалеть прутик подруге она, естественно, не стала и молча протянула рогатинку мужчине. Тот быстро нанизал хлеб и разместил его над углями. Скоро и этот кусочек хлеба был уже готов. Абаж положил на хлеб сосиску и протянул Ангелине.

– А салфетку?

– Ах, да-да, конечно, вот, возьми салфеточку, Солнышко!

Они с аппетитом ели бутерброд: хлебушек приятно похрустывал на зубах, из сосиски на него стекал жир, вкуснотища необыкновенная! К этому времени Виктор Николаевич уже заварил чай, добавив туда каких-то листочков, найденных здесь же, в лесу.

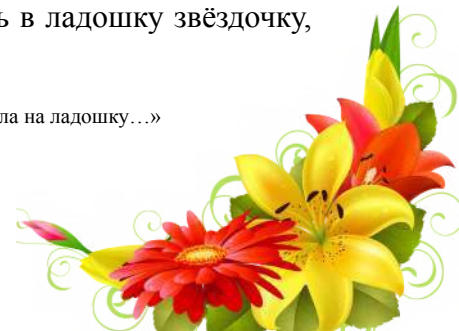
Арина взяла кружку чая, от которого поднимался легкий пар и душистый аромат. Она дула на него, чтобы немного остудить, и пила, наслаждаясь вечером, вкусным ужином и прекрасной компанией.

Михаил Александрович достал из чехла гитару, настроил её на слух и, перебирая струны, тихо запел:

– Мне звезда упала на ладошку, я её спросил: «Откуда ты?»¹.

Арина тихонечко подпевала. Ей тоже хотелось бы поймать в ладошку звёздочку,

¹ Дольский А. «Мне звезда упала на ладошку...»

которая исполняет желания. У неё, как и у автора, было так много желаний, что звёздочка, скорее всего, тоже погасла бы, не дослушав до конца.

Дядя Миша закончил петь. Все сидели молча, думая каждый о своём.

– На Соловецких островах дожди, дожди. Ну, как расскажешь на словах, как льют они?¹ – начал мужчину новую песню.

Соловецкие острова были совсем рядом, каких-нибудь полторы сотни километров по прямой. Совсем близко. Не даром же будущий патриарх Никон бежал с Соловком в этом направлении. И те же условия жизни: штормы, дожди, мошка. Арина задумчиво слушала дядю Мишу.

– Ой, горе мне, горе!

Михаил Александрович замолк, так и не закончив песню. На краю леса стояла женщина лет сорока: волосы растрёпаны, дыхание сбивалось, рукой она держалась за сердце.

– Что случилось? – спросил директор дома отдыха.

– Дети у меня пропали, двойняшки: Костя и Катя.

– Когда пропали?

– После ужина! Отпросились погулять, и вот нигде нет их. Зову, зову, а они не отзываются.

– Конечно поможем! Вы присядьте, отдохните. Так, Михаил Александрович, вы лес хорошо знаете. Идите с Виктором Николаевичем и обследуйте северную часть острова.

– Хорошо, Всеволод Александрович!

– Арина, ты ведь тоже здесь всё знаешь?

– Да!

– Давай, возьми кого-нибудь из девочек и обследуйте мыс Рога. Хорошо?

– Да, конечно!

Арина обратилась к Наире:

– Пойдём?

– Да, пошли! Геля, ты с нами?

– Нет, я устала что-то.

– Ну, как знаешь.

Девочки быстро проскочили по тропинке на мыс Рога. Они выкрикивали имена малышей, но те не отзывались.

– Иди, сообщи директору, что их здесь нет, а я берегом пройду до пляжа.

– Хорошо, Наира.

Девочка побежала по тропинке к административному корпусу. Поднялся сильный ветер. С материка надвигалась огромная чёрная туча. Сразу потемнело. Арине было обидно до слёз, что они так до сих пор и не нашли малышей: «Как они там одни? В лесу. В грозу. Когда всё грохочет, и дождь хлещет как из ведра!»

Она представила детей, тесно прижавшихся друг к другу, под огромным деревом, в которое ударяет молния. Искры, треск, пламя. От жалости у девочки навернулись слёзы.

«В лесу даже укрыться негде. Нет, постой. А тонская изба? Там же легко можно укрыться от непогоды», – Арина огляделась вокруг, чтобы кому-нибудь сообщить о своей догадке. Но никого не было. Все уже укрылись от непогоды по домам. Ну и ладно, она сама побежит в тонскую избу и спасёт малышей.

Подхлётнутая порывом ветра, девочка побежала на северное побережье острова. Она быстро проскочила по тропинке лес и выскочила на берег. Свернула к избе. Тихо открыла дверь и юркнула внутрь.

Из глубины избы раздавались какие-то звуки, заглушаемые ветром.

– Катя, Костя! – позвала малышей Арина.

Сверкнула молния, на мгновение осветив избу, ярко-белое тонкое бедро и большие жирные ягодицы.

– Кто здесь? – вырвалось у Арины.

– Блин!

Девочке стало страшно. Хотя голос показался ей знакомым. Зашелестела одежда. Кто-то проскочил мимо неё, тяжело топая. Громкий грохот грома заполнил всё пространство маленькой избы.

– Катя, Костя! Не бойтесь, это я, Арина!

– Арина?

¹ Вихорев В. «На Соловецких островах...»

– Геля? – девочка узнала наконец-то, кому принадлежал голос.

– Да, а ты что здесь делаешь?

– Малышей ищу, Костю с Катей. А ты?

– Я-я-я...

Наступила пауза. Арина подошла ближе. Вспышка молнии. Ангелина сидела на топчане, раздвинув ноги. На внутренней стороне молочно-белого бедра отпечатался красноватый тонкий след.

– Кто это был?

– А ты... Ты его не узнала?

– Нет!

И тут страшная догадка пришла ей в голову: «Дядя Миша, больше некому».

– Он надругался над тобой?

– Ну, ну...

– Вот гад, пакостун¹!

– Ты про кого?

– Про Михаила Александровича, конечно! Это ведь был он?

– Ну, ну...

– Точно он! Говорила я тебе! А ты его на пляже обнимала и целовала. Поблагодарила за спасение, называется! А он вот как тебе отплатил! Не делай человеку добра, не увидишь от него и зла!

Арина обняла Ангелину и прижала к себе.

– Больно?

– Да, очень!

– Пойдём, надо всё рассказать!

– Арина, ну, пожалуйста, не надо никому ничего рассказывать!

– Почему?

– Мне стыдно.

– Это ему должно быть стыдно, а не тебе.

– Ну всё равно не надо.

Ангелина в голос заревела. Хлынул дождь. Как будто огромная волна накрыла избу.

– Успокойся, не реви. Сейчас переждём дождь и пойдём.

– Только ты ничего не говори никому, пожалуйста.

– Ладно, только успокойся. Дура ты, Геля!

За окном лил дождь. Они сидели на топчане, обнявшись.

Так они и просидели всё время, крепко обнявшись, пока не закончилась гроза. Перестал капать дождь, небо посветлело, и через маленькое решетчатое окно в избу заглянул слабый свет.

– Пора идти. – Арина поднялась. – Ты сможешь идти?

– Попробую.

Ангелина встала и пошла, немного хромая. Потом резко повернулась и вернулась к топчану.

– Ты чего?

– Забыла.

Ангелина вернулась, что-то крепко сжимая в кулачке. Они вышли на улицу. Песок был мокрый. На траве блестели капельки воды. Когда порывы ветра качали деревья, то с них слетал целый каскад крупных капелек.

– Ты подожди здесь, я сейчас.

Ангелина убежала в сторону моря. Арина знала, что там есть небольшое озерцо, в котором они умывались.

«Пошла мыться, – догадалась девочка. – Зря! Надо было всем показать, что он с ней сделал».

Называть его по имени она не хотела, теперь он будет просто «он», без имени. «Он» не заслуживает того, чтобы называть его по имени.

Ангелина вернулась, счастливо улыбаясь. В руках уже ничего не было.

– Ты обещаешь, что никому не скажешь?

– Обещаю, я же уже сказала.

Она бы очень хотела рассказать людям про него, но раз Ангелина просила, то она не будет этого делать. Арина понимала, почему Геля не хотела рассказывать ничего, потому что потом люди будут показывать на неё пальцем и обсуждать. Ещё чего напридумывают, что она сама к нему лезла. Все же видели, как она к нему на пляже прижималась и целовала. Поэтому уж лучше молчать, не делать человеку больно. А ему она всё равно скажет, что она всё знает про него.

В размышлениях она сама не заметила, как они дошли до дома отдыха. Около ад-

¹ Пакостун – обманщик женщин.

министративного корпуса стояли участники поисков. Малышей среди них не было. Всеволод Александрович спросил у Арины:

– Никого не нашли?

– Нет, а вы?

– Тоже нет, как будто в воду канули.

Мама двойняшек зарыдала в голос.

– Утонули! Сгнули мои ребятушки!

– Никуда они не сгнули! Не беспокойтесь, найдём, мы ещё не всё осмотрели. Может, они за переюму ушли во время отлива, а потом вода не дала им вернуться. Вот дождёмся отлива и туда сходим.

С края стояла Софья Николаевна с каким-то мужчиной крепкого телосложения. Ангелина робко подошла к матери.

– Геля, ты в порядке? Что случилось?

Ангелина молчала, кося взгляд на мужчину.

– Ангелина, быстро говори, что случилось! – голос был жёсткий, командный.

– Я не обязана перед вами отчитываться!

– Ты мне ещё подерзи! Где ты была всю ночь?

– Нигде!

– Живо пошли домой, я с тобой там наедине поговорю.

Ангелина бросилась к матери и крепко вцепилась в неё.

– Смотрите! – воскликнула Наира.

Все повернули головы в направлении её руки. Из леса вышел Михаил Александрович, на руках он нёс Катю, Костя шёл сам, держа мужчину за руку. Катя крепко держалась тонкими ручками за шею мужчины, прижав свою головку к его голове.

– Нашлись!

Все бросились навстречу мужчине и детям. Мама взяла Катю с рук мужчины и крепко прижала к себе. Костя обнял ноги матери. Все радовались и улыбались.

– Нам здесь делать нечего. Софья, Ангелина, живо домой, нам надо поговорить.

Отчим грубо взял Ангелину за руку и потащил за собой.

– Саша, поаккуратней. – Софья Николаевна засемила сзади.

– Посмотрим!

– Стойте, она не виновата! – Арине было жалко Ангелину и она решила её спасти. – Это он.

– В чём не виновата?

Александр остановился и резко развернулся. Ангелина по инерции проскочила мимо него и оказалась за его спиной.

– Это он! А она не виновата!

– Кто он?

– Вот он!

Арина вытянула руку и показала на дядю Мишу. Тот всё ещё стоял рядом со счастливой матерью и смущённо улыбался. Александр подскочил к нему.

– Что ты сделал с моей дочерью?

– С какой дочерью?

– С Ангелиной!

Александр повернулся и показал рукой на девочку.

– Ничего.

– Так уж и ничего? В глаза мне посмотри! Дядя Миша посмотрел прямо в его глаза, потом смутился и опустил взор в землю.

– Так что ты сделал?

– Право слово, ничего. Сущий пустяк. Она меня поблагодарила за спасение. Я её обнял и поцеловал в шейку. И всё.

– Врёт, он всё врёт!

Арину понесло. Она никогда не терпела лжи, да ещё и такой наглой, что забыла про все обещания, которые дала Ангелине.

– Что он врёт? Говори! – Александр повернулся к девочке.

– Он, он... Надругался над ней! Там, в тонской избе, ночью. Это с ним она провела ночь. Она не виновата!

– Ах ты гад!

Александр с разворота снизу вверх ударил мужчину в челюсть. Дядя Миша отлетел на несколько метров и упал навзничь.

– Что? Что он сделал? – Женщины, ничего не понимая, спрашивали друг у друга. Потом все повернулись к Арине.

– Он надругался над Гелей! В тонской избе! Я сама видела! Своими собственными глазами. До грозы.

Все заговорили разом, не слушая друг друга. Директор дома отдыха подскочил к отчиму Ангелины, который в ярости бил ногами лежащего на земле.

– Александр, остановитесь! Я вызову полицию!

– Какая полиция?! Я сам тут полиция! Они его всё равно выпустят! Я знаю! Да и

время отлива, когда они ещё приедут? А он тут за это время всех детей перепортил.

Мужчина снова стал бить лежачего. Дядя Миша даже не защищался, только прикрывал руками голову.

– Александр, остановитесь! Это же самосуд! Вас самого под суд отдадут!

– Пусть отдадут, зато эта мразь не будет по земле больше ходить!

– Саша, Сашенька, не надо! Опомнись! Как мы без тебя жить-то будем?

Софья Николаевна вцепилась ему в левую руку. Александр пытался её стряхнуть, но в этот момент на его правой руке повисла Наира.

– Не трогайте его, он ни в чём не виноват!

Девочка вцепилась зубами мужчине в руку.

– Ах ты, змеёнышка!

Александр тряхнул рукой так, что Наира полетела на землю. Она упала навзничь, дёрнулась, лицо исказилось от боли.

– Она с ним заодно! Она сама к нему ходила! Я видела!

Арина не могла остановиться. К Александру присоединились женщины. Они драли на мужчине одежду, волосы.

– А с моими детьми, что ты сделал? – кричала ещё совсем недавно счастливая и благодарная мать спасённых двойняшек. Она с силой рвала мужчине за уши.

– Товарищи, остановитесь! Опомнитесь! Это же самосуд!

Всеволод Александрович отгаскивал женщин.

– Вы же убьёте его! Ведь его вина ещё не доказана! Только суд может вынести решение.

– Всё уже доказано, он сам в глаза смотреть боится!

Александр снова ринулся в толпу.

– Саша, умоляю, прекрати! Подумай о нас. Как мы без тебя жить будем?

Мужчина остановился, повернулся к жене.

– Ну, если только ради тебя! Я с ним ещё завтра поговорю, если его полиция не успеет увезти!

– Я вызову полицию и его увезут, – заверил директор.

Александр пошёл в направлении домиков. Жена последовала за ним. Ангелина поплелась сзади, оглянувшись, зло посмо-

трела на Арину. Девочка опустила голову, она вспомнила про обещание, но было уже поздно.

Без главного зачинщика избиения всё как-то быстро затихло, женщины стали расходиться. Наира с трудом поднялась, зло посмотрела на Арину, плюнула в её сторону и, поддерживаемая мамой, тоже ушла в домик.

Арина осталась одна. Совсем недалеко от неё лежал «он»: весь в грязи, в изодранной рубашке, из носа текла кровь. Он пытался подняться, но не мог, снова падал на землю. Взгляд его серых глаз был какой-то потерянный, совершенно непонимающий.

Девочке на какую-то секунду стало жалко его. Она сделала шаг, чтобы помочь ему встать, но потом остановилась и пошла прочь. «Нечего его жалеть. Он сам виноват. Он заслужил то, что получил! Господь всегда карает грешников!»

Она тихо зашла в комнату.

– Ты где была?

– Мы с Ангелиной в грозу попали, пришлось пережить. Прости, бабушка.

– А я испугалась вся! Гром гремит, дождь льёт, а тебя всё нет.

– Со мной всё хорошо, бабушка. Не беспокойся.

Девочка юркнула в постель и отвернулась к стенке. Она вслушивалась, пытаясь уловить знакомые звуки. Прошло минут сорок или пятьдесят, прежде чем послышались грузные шаги по лестнице. Арина обрадовалась.

Он живой, и это главное! И он вернулся к себе в комнату.

Как бы то ни было, но она не желала ему смерти. Наказание за грехи – да, этого она хотела, и он это получил. Пусть теперь живёт и помнит, что можно делать, а чего нельзя, раз сам до этого дойти не мог.

Арина успокоилась и забылась.

Арина даже не могла понять: спит она или не спит. В голове всё время крутились кадры вчерашнего вечера и начала ночи: костёр, поиски, гроза, тонская изба, вспышка молнии, Ангелина, дети и «он», его тело, лежащее в грязи.

Ей стало жалко его. Он лежал такой весь большой, грузный, взгляд потерянный, ничего не понимающий. Он даже не защищался от наносимых ему ударов, только руками прикрыл голову.

Девочка ворочалась с боку на бок, то на живот ложилась, то на спину. Кровать тихо поскрипывала.

«Так я и бабушку разбужу. Она распрашивать будет», – Арине никак не хотелось вот прямо сейчас что-нибудь рассказывать. В голове всё перепуталось. И злость, и жалость к дяде Мише. Она никак не могла определиться со своим отношением к нему.

Девочка встала. Тихо оделась. Было уже совсем светло. Посмотрела на часы: пять часов утра. Вышла на крыльцо. Солнце ещё было не очень высоко. Оно проглядывало сквозь сосны на востоке, отчего деревья казались золотыми. Лёгкий туман стелился по низинке. Камни, туман, сосны – всё было таким сказочным.

Было очень тихо. Арина встала и тихо поднялась на самый верх. Остановилась перед дверью. Прислушалась. В комнате совсем тихо. Девочка легонько постучала. Ответа не было. Постучала громче. От её кулачка дверь подалась внутрь и стала открываться. Сквозь приоткрытую дверь была видна почти вся комната. Все вещи были аккуратно прибраны, кровать заправлена.

Девочка прикрыла дверь.

– Он, наверное, пошёл рассвет встречать.

Арина знала, куда дядя Миша ходит встречать рассвет. Она сама с ним часто ходила туда раньше. Они сидели рядышком на большом камне, опираясь спиной на ствол могучей сосны. Девочка прижималась головой к мускулистой руке мужчины. Ей было очень тепло и уютно, несмотря на утреннюю прохладу.

Слева, на северо-востоке, сначала появлялось оранжевое свечение, потом показывался самый краешек солнышка. И вот уже оно само выскочило из моря. Чистенькое, умытое в прозрачных водах Белого моря, ярко-жёлтое светило.

Арина всегда улыбалась солнышку и махала ему рукой.

– Привет, Солнышко! Ты возвещаешь нам о том, что наступил новый день.

На душе было так светло и радостно.

Девочка проскочила по тропинке через лес на восточную часть острова, выскочила на берег моря и остановилась. Солнце было ярким. От утреннего ветерка по морю бежала мелкая рябь. Солнечные зайчики прыгали по гребешкам.

От яркого света глазам стала больно, и девочка отвернулась. Каменная глыба. Могучая сосна. Дядя Миша. Он стоял на коленях, голова опущена на грудь, руки свисали вниз.

«Молится. Грехи перед Господом замаливает».

Арина села на камень. Посмотрела на море. В глазах рябило. Взяла камешек, стала вертеть его в руках. Жалость прошла, вернулась злость.

«Раз замаливает грехи, значит виноват. Просто так человек не будет молиться Богу».

Время шло. Солнце поднималось всё выше и выше, передвигаясь по небосклону вправо и вверх. Девочка со злости кинула камень. Специально, чтобы он услышал и подошёл. И начал оправдываться перед ней. Тогда ему всё выскажет. Но он не подходил.

«Трус! Подлый трус! Ему даже не хватает смелости подойти ко мне! Или он уже ушёл?»

Арина повернулась к сосне. Дядя Миша стоял на коленях всё в той же позе.

«Нельзя же так долго молиться. Да и на коленях стоять на холодном камне так долго нельзя. У него же колени больные».

Арине снова стало жаль его. Она взяла камень побольше и кинула. Грохот был очень сильный. Никакой реакции. Он даже не повернулся.

«Неужели не слышит? Невозможно не слышать. Ладно, она сама к нему подойдёт, она не гордая. Пусть посмотрит ей в глаза. Пусть оправдается».

Девочка поскакала по крупным камням, быстро подскочив к огромному валуну. Подняла глаза вверх прямо в серые глаза дяди Миши. На его лице застыла лёгкая полуулыбка-полуусмешка. Тонкая верёвка перетягивала его крепкую шею и тянулась вверх к толстому суку сосны.

(Продолжение следует)